

Он был жизнерадостен и прямодушен, как ребёнок.

С. Маршак об Аркадии Гайдаре

Литературные критики частенько задаются вопросом, что нужно знать, уметь, каким нужно быть, чтобы стать детским писателем, способным понимать ещё не сформировавшиеся запросы детей, отвечать на них понятным для юного читателя языком. И влиять на детей! Кто-то считает, что у детского писателя должна быть ранимая душа, схожая с детской, мало знакомой со взрослой жизнью, с её сложностями, жестокими вопросами «быть или не быть», а нередко и «бить или не бить», с грубостью, авантюризмом, с неравенством и другими негативными вопросами бытия. Говоря простым языком, детский писатель – это в некотором роде «ребёнок» по определению Самуила Маршака, не разбирающийся в бытовых, то бишь взрослых, вопросах человек. Этаким нежный первоцвет, быстро сохнувший после сбора.

И как бы в качестве подтверждения этой мысли приводят пример мудрого Льва Толстого, тонкого знатока взрослой жизни, классика и автора социально-политических романов, казалось бы, насквозь видящего и понимающего весь окружающий мир, всех людей, населяющих его. Но создатель тонких психологических мужских и женских пор-

третов своих современников, чьи порывы и поступки понятны людям спустя столетия, никак не мог создать удобоваримую детскую прозу. Образы ребят в рассказах Льва Толстого ходульные, с нехарактерной для детей речью. Толстому присуща сомнительная лаконичность, взрослая оценка происходящего. Нравоучения в так называемых сказках столь очевидны и прямолинейны, что от них попросту воротит и детей, и взрослых.

«Сказки об Италии» Максима Горького, писателя из народа и тонкого его знатока, прожившего в Италии 15 лет, соответствуют лишь названию. Им предпосланы слова Андерсена «Нет сказок лучше тех, которые создаёт сама жизнь». На самом деле эти «сказки» есть суровые социально-политические памфлеты и фельетоны.

И даже всё знающий и редкостный романтик Константин Паустовский писал немногие (восемь штук), но шаблонные сказки для детей.

Кстати, Паустовский («Коста» – так звал его Гайдар) был его лучшим другом. Аркадий Гайдар неустанно повторял слова: «Могу писать только о том, что лично видел сам». Видел же Аркадий Гайдар очень много, если не сказать чрезвычайно, невероятно много. И не просто видел как сторонний наблюдатель (ох, как много таких пустых «созерцателей» во все времена), а обдумывал, обобщал, общаясь с подчинёнными солдатами в годы Гражданской войны, с детьми, с друзьями. И не только видел, но был активным участником советского строительства. Того самого знаменитого преобразования страны, когда за десять (10) лет ей удалось пробежать ту индустриальную дистанцию, на которую Запад потратил сотню лет. Мало (я в этом уверен) тех, кто знает, что Аркадий Гайдар был профессиональным корреспондентом многих газет в разных городах Советского Союза. Пермь (газеты «Звезда», «Вечерняя звезда»), Свердловск («Уральский рабочий», Подмоскowie («Красный воин»), Архангельск («Волна» и «Правда Севера»), Хабаровск («Тихоокеанская звезда»), Москва («Пионерская правда», журнал «Пионер» и «Комсомольская правда»).

Вот, например, характеристика, данная Аркадию Гайдару в 1926 году после года работы в пермской газете. «За истекший период его работы в газете было помещено около двухсот (200) его фельетонов...

Неослабевающий интерес, с которым читатели следят за фельетонами, десятки получаемых на его имя писем и приходящие к нему в редакцию за советом рабочие служат лучшим доказательством того, что тов. Гайдар сумел правильно подойти к постановке вопросов в понятной форме и вполне приемлемой для читателей рабочей газеты. <...> Основными достоинствами его фельетонов, помимо удачной литературной формы, считаются: прямота, искренность, умение подметить и выделить основной момент, заслуживающий внимания читателя».

Гайдару в это время 22 года, и он не оканчивал никакого филологического высшего учебного заведения, тем более журналистского. И все эти умения Аркадия Гайдара вызывают у автора сих строк, сугубого реалиста, отдавшего 20 лет промышленному производству и прочитавшего несколько гайдаровских производственных фельетонов, несказанный пиетет.

Некоторые фельетоны сохранили актуальность и по сию пору, хотя эта пора уже отнюдь не советская. В фельетоне «Сказка о бедном старике и гордом бухгалтере», опубликованном 21.11.1926 г. в пермской газете «Звезда», критикуется неокрепшая советская власть, задерживающая выдачу зарплат рабочим. Бухгалтер, ссылаясь то на *баланс*,

то на не отпущенные *кредиты*, то на *реорганизацию*, то на *ревизию*, не выдавал честно заработанные деньги «старика»-рабочему. И вот ведь какой фортель история устроила России. Аркадий Гайдар мечтал о торжестве «царства социализма», воевал за социализм с оружием в руках, отдавая здоровье, нервы, силы, а его внук Егор похерил одним росчерком пера все усилия деда. Вернул в Россию капитализм и «буржуинов», с которыми боролся Мальчиш-Кибальчиш и сам Аркадий Гайдар. Через одно лишь поколение, с 90-х годов также стали задерживать зарплаты, а то и вовсе их не выдавать, рассчитываясь кроватями, унитазами, глушителями для машин, посудой и т. д. Как внук стал Мальчишом-Плохишом, который «сидит, жрёт и радуется» (так у Гайдара в «Военной тайне»)? Как он стал предателем благородных идей деда – это тема для отдельного психолого-этнического расследования.

Кто-то может сказать, видя деяния Егора Гайдара, что его дед, журналист, очеркист, фельетонист, сценарист и замечательный советский детский писатель Аркадий Петрович Гайдар прожил жизнь зря. Нет, скажем мы! Потому, что своим творчеством Аркадий Гайдар воспитал поколение победителей, тех мальчишек и девчонок, зачитывавшихся его повестями, благодаря которым победили в Великую Отечественную войну, спасли нашу Отчизну.

Умение положительно влиять на читателя – это самое главное достижение писателя, это важнейшая цель литературы. К этой цели всегда стремился Аркадий Гайдар и успешно достиг её!

Наша задача – вспомнить в день 120-летия рождения великого детского писателя Аркадия Гайдара его жизнь и произведения, отдать дань восхищения его творчеству, его пониманию счастья, воспетого в рассказе «Чук и Гек». «Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной».

Итак, по порядку.

Детство

Обычно всякая великая личность обрастает мифами, тайнами реальными, а чаще надуманными, домыслами, а точнее, недоговоренностями, неточностями и искажениями. Так случилось и с Гайдаром. Вот первый пример, и связан он с днём рождения. В Большой Советской энциклопедии (БСЭ) и вышедшей недавно Большой Российской энциклопедии чётко названа дата рождения Аркадия Голикова (настоящая фамилия Гайдара): по старому стилю 9 января (22 – по новому) 1904 года. Однако курский писатель, уроженец города Льгова (где родился Аркадий) Семён Лагутич утверждает, что Аркадий родился на месяц позже. Он основывается на воспоминаниях льговских друзей семьи Голиковых и на письменном свидетельстве врача-акушера С.В. Кудряшовой, принимавшей роды ребенка в доме Голиковых. Так ли это важно? Зачем вносить путаницу в такой несложный вопрос? Искажение в дате, по мнению С. Лагутича, пошло с подачи писателя Бориса Камова (Бориса Калмановича Дворсона), «самопровозгласившего себя главным биографом писателя». Неудовлетворённое тщеславие Лагутича?

Но, однако, возникает интересная коллизия. В центральном архиве Екатеринбурга сохранилась анкета Аркадия Голикова, заполненная им

в 1921 году при поступлении на военную службу в Приуральский военный округ. Ниже будет более подробно описан этот эпизод из жизни Аркадия. Так вот, на вопрос «имеются ли родственники за границей» он отвечает: «Есть, в Париже, но адреса не знаю. Фамилия Гутьер». Исполнительный директор Льговского сахарного завода Гутьер, по более позднему утверждению Натальи, сестры Аркадия, стал крестным отцом будущего писателя. Почему Голиков вдруг о нем решил написать в анкете? Вероятно, почитал крестного отца как родственника. Что из этого следует? Очевидное! Католик или протестант, то есть еретик для РПЦ, Гутьер не мог быть крестным отцом в православном храме. В начале XX века с этим было очень строго. Да, и сейчас при крещении в православном храме крестному отцу надо наизусть знать «Символ Веры». Священник, совершающий обряд, лично проверяет это знание. Следовательно, Аркадий не был крещён вовсе, а посему и не записан в церковной метрической книге крещёных младенцев с указанием точной даты, что и привело к спорам.

В воспоминаниях Н.Н. Похвалинской, подруги сестры Гайдара, есть ещё одно косвенное подтверждение об атеистическом характере отношений: «Семья Голиковых не была религиозной. Я очень завидовала Аркаше и Талочке, что их не посылали в церковь». Так кем же был Гутьер Аркадию?

И всё же путаница в дне рождения присутствует. В фондах Арзамаского литературно-мемориального музея А.П. Гайдара есть журнал с прошениями родителей о принятии своих чад в реальное училище. «Май 1914 г. № 22. Голиков Аркадий. Рождения 9 января 1904 года. Сын чиновника...» Вроде всё ясно и понятно, но в «Календаре “Товарищ” для учащихся на 1917–1918 уч. г.» рукой Голикова Аркадия написано в разделе «Я» о дне и месте рождения следующее: «Льгов Курской. 9 февр. 1904 г.» Во многих книгах о Гайдаре есть фото этой записи. Небрежность великих в подростковом возрасте? Остаётся только гадать! Или вот ещё одна вопиющая неточность, допускаемая Аркадием Голиковым. В автобиографии от 1934 года, когда Гайдар известен всему огромному Союзу, он пишет: «Я ушёл в Красную Армию в ноябре 1918 года, когда мне не было ещё 14 лет». Это как же, позвольте спросить у человека, родившегося в январе-феврале 1904 года, что ему в ноябре 1918 года нет 14 лет?!

Кто-то скажет – пустяки! Перефразируя известное выражение, скажем: «Пустячок, но неприятно!» И возникает риторический вопрос: «Отмечали ли родители день рождения сына?»

Но мы забежали несколько вперёд.

Как французы появились в Льгове Курской губернии? Да очень просто! Киевский сахарозаводчик Гальперин Моисей Борисович в 1899 году построил на свои деньги в этом городке сахарный завод по французской технологии. Авторский надзор и руководство технологическим процессом осуществляли французские специалисты, среди них и был некий Гутьер. Для детей заводских рабочих построили начальное училище, где учителями стали родители Аркадия Голикова.

Итак, 9 по старому или 22 января (или февраля?) по новому стилю 1904 года в семье учителей – Петра Исидоровича Голикова (26.01.1879–23.04.1927) и Натальи Аркадьевны Сальковой (1881–16.10.1924) родился первый и единственный в семье сын Аркадий, названный так в честь деда по материнской линии. Остальными детьми были три девочки.

Фамилия Голиков происходит от старого русского слова «голик», обозначающего веник из сухих прутьев без листьев. Родом Пётр Исидорович

из города Щигры той же Курской губернии. Дед его был крепостным, отец столяром, а сам он окончил сначала Щигровское уездное училище, а потом Курскую учительскую семинарию. Именно в Курске он и познакомился с Натальей – дочерью обедневшего дворянина Аркадия Геннадьевича Салькова, отставного штабс-капитана, имевшего в Щигровском уезде небольшое имение. Мать Натальи Аркадьевны рано умерла (о ней ничего неизвестно), и её воспитывала мачеха. Курскую женскую гимназию Наталья Аркадьевна окончила с золотой медалью, что давало ей право преподавать в начальных классах.

В 1900 году Наталья Аркадьевна и Пётр Исидорович сочтались браком. Пётр получил место учителя в начальном училище при вышеупомянутом сахарном заводе. Так они оказались в городе Льгове. Жили они в комнатах при школе, где сейчас усилиями Лагутича образован мемориальный музей писателя Аркадия Гайдара. Честь ему и хвала за это!

Отец Натальи был против этого мезальянса и не простил дочь до самого конца жизни. Не навещал внука, названного в его честь в качестве примирения, ни помогал материально. Наталья хорошо знала французский язык (в гимназии его преподавание велось на высоком уровне) и для разговорной практики тесно общалась с французскими инженерами, одного из которых мы уже упомянули. Знание языка подтверждает и лучший друг детства Аркадия Голикова Адольф Гольдин: «Его мать, Наталия Аркадьевна, свободно владела этим языком, учила и Аркадия и дочерей – Наташу, Олю и Катю – разговаривать по-французски».

В революцию 1905–1907 гг. рабочие сахарного завода бастовали, требуя повышения заработной платы, и, видимо, для составления петиции часто обращались к учителям Голиковым. Они прослыли в провинциальном Льгове вольнодумцами и «неблагонадежными». Ареста супруги Голиковы избежали, но, боясь осложнений с хозяином завода, решили сменить место жительства. Пётр Исидорович нашёл работу в акцизном (налоговом) управлении в посёлке Вариха (от глагола «варить», девушка Варя к названию не имеет никакого отношения) при нефтеперегонном заводе Тер-Акопяна в Сормове Нижегородской губернии, будущем советском заводе им. 26 Бакинских комиссаров.

В конце лета 1908 года супруги Голиковы с четырехлетним Аркадием, трехлетней Натальей и только что родившейся Ольгой неожиданно для всех знакомых из Льгова переехали на Волгу. И уже 5 октября этого года «не имеющий чина» П.И. Голиков был зачислен на службу в Нижегородское акцизное управление. В советские годы слава писателя Аркадия Гайдара была столь высока, что отыскивался каждый уголок, связанный с его жизнью. Так, на доме № 10 по улице Коминтерна установлена мемориальная доска с надписью: «На этом месте бывшего посёлка Варя находился дом, в котором в детские годы 1908–1909 жил выдающийся советский писатель Аркадий Петрович Гайдар». Вскоре Пётр получил повышение до старшего контролёра и перевёз семью в центр Нижнего Новгорода на улицу Варварскую.

И тут на крайнем к площади Свободы (Острожной) доме № 44 по улице Варварской висит памятная доска с надписью: «В этом доме в 1909–1910 гг. жил выдающийся советский писатель Аркадий Гайдар (А.П. Голиков)». На самом деле этот дом построен в 1954 году и в нём жить маленький Аркадий не мог. Какой дом был на этом месте в начале XX века, трудно углядеть даже на подробных фотоснимках Максима Дмитриева, но точно, что не 4-этажный. Хочется поклониться почи-

тателям творчества Аркадия Гайдара, что не забыли о местах кратковременного проживания будущего знаменитого писателя в Нижнем Новгороде. Однако даты жизни указаны на доске неверно. Жили они здесь до лета 1912 года – времени переезда в Арзамас. 1912 год назван и в альбоме-справочнике «По улицам родного города» (издательство «Кварц», 2012).

Зарботка у Петра Исидоровича едва хватало, чтобы сводить концы с концами в большой семье, тем более что в 1910 году родилась третья дочь Катя. Наталья Аркадьевна для повышения достатка в семье поступила на частные курсы фельдшеров-акушеров знаменитого в Нижнем докторе Маклашевского. Училась она в Нижнем Новгороде, а экзамены на диплом акушерки успешно сдала на медицинском факультете Казанского университета.

С дипломом Наталья Аркадьевна получила и направление – уездная больница в Арзамасе Нижегородской губернии, что в 100 верстах от Нижнего Новгорода. Пётр Исидорович выхлопотал новое направление в этот же уездный городок. Летом 1912 года семья перебралась в Арзамас, где они сначала, обживаясь и приглядываясь к новой обстановке, снимали флигель у Терентьевых, а потом купили небольшой деревянный дом № 25 на Новоplotинной улице. Дом сохранился и составляет главную достопримечательность литературно-мемориального музея А.П. Гайдара.

Город Арзамас был совсем не плох, а в 1781 году стал 4-м из уездных городов России, получившим от царицы Екатерины II свой «геометрический план» радиально-лучевого расположения улиц. Такой же, впрочем, план и у Нижнего Новгорода.

В архивах можно найти данные переписи жителей городка на начало XX века. Всего народонаселения около 15 000, из них 650 рабочих и кустарей-ремесленников, 655 купцов, 1189 монахов и монахинь, 519 дворян. Писатель Мельников-Печерский оставил свои впечатления об Арзамасе: «Город вообще очень хорошо устроен, улицы вымощены камнем, фонари, стоящие на улицах, по ночам зажигаются, а не стоят только для вида, как в иных, даже губернских городах. Тротуары также не представляют из себя капканов для ног несчастных пешеходов».

Позднее в повести «Школа» (1930 г.) Аркадий, уже не Голиков, а Гайдар, охарактеризует Арзамас так. «Городок наш Арзамас был тихий, весь в садах, огороженных ветхими заборами. В тех садах росло великое множество “родительской вишни”, яблоч-скороспелок, терновника и красных пионов. Сады, примыкая один к другому, образовывали сплошные зеленые массивы, неугомонно звеневшие пересвистами синиц, щеглов, снегирей и малиновок. <...> был похож на монастырь: стояло в нем около тридцати церквей да четыре монашеских обители».

Вскоре после обустройства в Арзамасе Аркадия отдали в частную школу Зинаиды Васильевны Хониной для подготовки к сдаче экзаменов в реальное училище. Она так отзывалась об Аркадии: «Веселый, жизнерадостный, неусидчивый, выдумщик и шалун, но шалун безобидный, чистый и честный мальчик». Здесь Аркадий знакомится со своим будущим другом Адольфом Моисеевичем Гольдиным. Примечательно, что и того и другого в семьях звали Адиками. Два года Адольф Гольдин и Аркадий Голиков учились у Хониной, а потом в 1914 году одновременно поступили в Арзамасское реальное училище. Частенько сидели за одной партой, да и жили соседями – через два дома друг от друга. И крепко дружили. Вот как характеризует Аркадия Голикова

его лучший друг: «Голиков был крепыш, выше среднего роста, светло-волосый, с серо-голубыми глазами, с румяными щеками. На круглом лице чуть полноватые губы и добрая улыбка».

Арзамасское реальное училище (АРУ) создано в 1904 году. По уровню преподавания оно было 4-м в России после Москвы, Санкт-Петербурга и Варшавы. Наверное, поэтому для него к 1909 году построили новое красивейшее здание – гордость горожан. Недаром в этом здании до сих пор находится руководство города и района.

Одноклассник Голикова С.М. Соколовский вспоминал, что попасть в училище было очень трудно. Из 500 человек отобрали после экзаменов 24 ученика. Диплом по окончании реального училища давал возможность поступить в технические вузы и даже университет. Годовая стоимость составляла 25 рублей. К слову, заметим, что корова в это время стоила около 20 рублей. Учились здесь преимущественно дети состоятельных арзамасцев: дворян, купцов, чиновников и священников. Семья Голиковых с момента появления в городе сразу стала заметной: акушерки с дипломом Казанского университета в Арзамасе ещё не было. Люди, умеющие принимать роды, известны и уважаемы в любом населённом пункте.

Аркадий с детства рос ответственным человеком: надзор за младшенькими сестрёнками и помощь им ко многому обязывали. Он учился находить с ними общий язык и одновременно командовать ими, вырабатывать, так сказать, командный голос, так пригодившийся ему в годы Гражданской войны.

Наталья (Натка), самая старшая из сестёр Аркадия, вспоминала о жизни в Арзамасе: «Наше детство было счастливым и беспечным. Родители не очень стесняли нас в наших играх. Нам разрешалось перевернуть всё хоть вверх дном, но при условии, чтобы сами за собой убрали, и это условие выполнялось нами, как закон». Согласимся, что это очень и очень немаловажно при воспитании детей. В другом месте воспоминаний Натки можно прочесть о старшем брате: «и даже чистил наши ботиночки». Подруга Натки А.И. Бабайкина вспоминала, что «и у нас, и у Голиковых тоже были коровы». А содержать корову – немалый труд, несмотря на всю беспечность детства. Справедливости ради надо отметить, что в семье жила тётка отца Дарья, которая и выполняла по дому всю тяжёлую работу.

В Арзамасском реальном училище Аркадий Голиков слыл одним из самых прилежных в учении, но озорным в поведении учеников. На уроках Закона Божьего, бывало, по целым урокам стоял в углу класса. Он много читал и активно изучал, в том числе и с помощью матери, французский язык и нотную грамоту. Пробовал писать стихи, и мать всячески поддерживала его в этом увлечении, даже специальный блокнот купила. Так, сестра Натка вспоминала, что в 13 лет Адик написал длинное стихотворение «Легенда о свободе», которое читал на школьных вечерах, а ученицы старших классов спрашивали Натку: «Неужели он сам сочинил?» Сестра подтверждала и очень гордилась Аркадием. У него, кроме всего прочего, были незаурядные актёрские задатки: он хорошо владел голосом, не боялся сцены и сотен глаз, устремлённых на него, играл в школьных спектаклях (сохранились не только записи в дневнике, но и фотографии).

И ещё из воспоминаний сестры, показывающих лад и семейный уют в доме Голиковых. Без них неординарную личность не воспитать. «Бывало, в долгие зимние вечера, после того как выучены и проверены родителями уроки, мы часто забирались все на кушетку, папа сажал

младших девочек на колени, мы с Аркадием лепились к нему по бокам, мама, если она была “не дежурная”, усаживалась возле стола с каким-нибудь рукоделием или штопкой, а старенькая тетя Даша присаживалась поближе к печке».

Особенно Аркадий прочувствовал ценность знаний после своего неудачного побега на фронт Первой мировой войны, куда был призван отец. В автобиографической повести «Школа» (1930), где Аркадий Голиков слегка «зашифровал» себя под Бориса Горикова, сменив в фамилии одну лишь букву, признаваться в собственном незнании географии было стыдно. И Аркадий, к тому времени Гайдар, возлагает «честь» побега на выдуманного Тупикова, о котором пишет: «Первоклассник Тупиков оказался дураком. Он даже не знал, в какую сторону надо на фронт бежать...» И после разноса от учителя географии Аркадий и его друзья делают правильный вывод как в жизни, так и в повести «Школа». «Первоклассники, внезапно уяснив себе пользу наук, с совершенно необычным рвением принялись за изучение географии...» Но, видимо, не только географии, так как жадной знаний Аркадий Голиков отличался всю свою короткую жизнь. Примечателен и такой факт. После поимки беглеца мать купила Аркадию географическую карту. Она до сих пор висит над его кроватью в мемориальном музее писателя в Арзамасе. Наталья Аркадьевна умело прививала здоровое самолюбие сыну.

Будущий генерал армии, начальник отдела ГРУ Генштаба Вооружённых сил СССР, а в детстве ученик АРУ Виктор Рябов вспоминал, как они с Аркадием (Рябов был на год младше) ездили на Пустыньские озёра. К тому времени Аркадий, а это год 1915, уже знал значение паровозных сигналов. Учил своего младшего соученика обращению с бродячими собаками: «Не показывай виду, что боишься, и собака тебя не тронет». Мудрость, коей не владеют и поныне многие взрослые люди!

Многочисленные походы за грибами привили Аркадию любовь к лесам, а значит, и их знание на всю жизнь. Константин Паустовский в повести «Мещорская сторона» пишет о том, как они втроём бродили по мшарам Рязанской области – «заросшим в течение тысячелетий озёрам». Он пишет: «Гайдар пошёл искать Поганое озеро. Гайдар не взял компаса, сказал, что найдёт обратную дорогу по солнцу, и ушёл».

Через три часа низкие облака закрыли небо, и в такой мгле без компаса нельзя было, по мнению Паустовского, найти дорогу. И, действительно, это очень сложно, но не для Гайдара. «Мы кричали отчаянно <...>, но в ответ на наши крики не было слышно никакого человеческого голоса. <...> вдруг загудел и закричал, как утка, рожок автомобиля. Это было нелепо и дико – откуда мог появиться автомобиль в болотах...? Автомобиль явно приближался. Он гудел настойчиво, а через полчаса мы услышали треск в завалах... и из мшар вылез улыбающийся, мокрый измученный Гайдар». Что следует из этого эпизода? Простая истина: у Гайдара и в зрелом возрасте сохранился озорной, сравнимый с подростковым характер. Особо нужно отметить его знания и умения ориентироваться в глухих лесах.

Боевая юность

Но вот «взметнулись красные флаги Февральской революции», так пишет Гайдар в автобиографии 1934 года для юбилейного номера журнала «Пионер», отмечавшего 10-летие. И далее: «и в таком захудалом

городке, как Арзамас, нашлись хорошие люди. Пристал я к ним случайно, скорее из любопытства. Их было немного, держались они кучкой. Смело выступали они на митингах. <...> Позже я понял, что это за люди. Это были большевики. <...> Люди эти заметили, что мальчишка я любопытный, как будто не дурак и всегда верчусь около. Понемногу стали они доверять мне и давать разные мелкие поручения: сбежать туда-то, вызвать того-то. А я бегал, относил, вызывал, а сам всё слушал и слушал».

Но и не только слушал, но и пытался разобраться и узнать о большевиках как можно больше. Писал горячие письма отцу на фронт, задавал вопросы в попытках всё понять и сделать собственные выводы. «Милый, дорогой папочка! Пиши мне, пожалуйста, ответы на вопросы: 1. Что думают солдаты о войне? Правда ли, говорят они так, что будут наступать лишь только в том случае, если сначала выставят на передний фронт тыловую буржуазию и когда им объяснят, за что они воюют? 2. Не подорвана ли у вас дисциплина? 3. Какое у вас, у солдат, отношение к большевикам и Ленину? Меня ужасно интересуют эти вопросы... 4. Что солдаты, не хотят ли они сепаратного мира? 5. Среди состава ваших офицеров какая партия преобладает? И как вообще они смотрят на текущие события?.. Неужели – “Война до победного конца”?»

Отец Аркадия Петр Исидорович Голиков за воинскую сметливость и личную храбрость, произведенный в прапорщики, образование позволяло, становится командиром революционного полка. Аркадий знает об этом из переписки, и отец становится примером для подражания. Сын после таких известий с ещё большим рвением погружается в революционную работу арзамасских большевиков.

«Но самое большое доверие мне было оказано, тогда, когда в октябре 1917 г. разрешили мне взять винтовку и послали меня при двух патрульных третьим – для связи», – пишет он в вышеупомянутой автобиографии 1934 года. С этих пор Аркадий Голиков уже не просто патрулировал улицы Арзамаса, но состоял посыльным при большевистском клубе, работал делопроизводителем в уездном комитете партии, охранял по ночам город и участвовал в создании арзамасского комсомола. Кроме того, писал заметки в ученическую газету «За свободу». Служил секретарём в редакции газеты арзамасских большевиков «Молот». Так формировалась неординарная личность!

В школьном дневнике «Товарищ» ученик 4-го класса АРУ Аркадий Голиков записывает. «11–17 февраля 1918 г. Меня ранили ножом в грудь на перекрестке (видимо, ранение было легким и спасла зимняя одежда. – М. Ч.). Был в Совете. Получил разрешение от Революционного штаба присутствовать на улицах в ночное время. 8–21 апреля 1918 г. В городе стрельба. 5 раненых с нашей стороны. Ночью идёт стрельба. Мы с Березиным ходим патрулём. Осадное положение. 29 июля – 1 августа 1918 г. К нам приехал штаб Восточного фронта. Жизнь в Арзамасе очень оживилась, совсем не та атмосфера. Военное обучение понемногу налаживается. Прошли рассыпной строй, скоро к стрельбе».

Мать Аркадия, Наталья Аркадьевна, вступает в партию большевиков, активно работает в профсоюзе, возглавляет Арзамасское правление союза «Всемидикасантруд» (Всероссийский профессиональный союз работников медико-санитарного труда). У неё появляются новые высокопоставленные знакомые, шефствующие над её сыном. Александр Фёдорович Субботин – арзамасский большевик, профсоюзный работник – в 1920 году станет вторым мужем Натальи Аркадьевны. По-

могает Аркадию и военный комиссар города Чувьрин, который, невзирая на юный возраст Аркадия – тому только 14 лет, но он был высокого роста и выглядел крепким парнем, – зачислил его в вооружённый отряд рабочих для защиты Арзамаса от кулацких банд, двигавшихся со стороны Мурома.

Шефы и посоветовали Аркадию вступить в члены ВКП(б). В Центральном архиве Нижегородской области сохранилось заявление, написанное Голиковым на четвертушке листа писчей бумаги. Вот дословный его текст: «22 авг. 1918», чуть ниже: «В комитет партии коммунистов». Ещё ниже: «Прошу принять меня в Арзамасскую организацию Р.К.П.» Ниже: «ручаются за меня тов...» (следуют подписи). Одно ручательство дала М. В. Гоппиус – ссыльная марксистка, другое – Ф. А. Вавилов, тогдашний председатель Арзамасского уездного исполкома. Кстати сказать, в тогдашний Арзамасский уезд входило семь нынешних районов Нижегородской области. По сути, весь юг. И совсем внизу подпись самого вступающего.

Краткость и простота вступления в партию большевиков поражает воображение. Однако учитывая несовершеннолетие Голикова, старшие товарищи дали ему время подумать до декабря. 15 декабря 1918 года уездный комитет ВКП(б) принимает его в ряды партии. Сохранился анкетный лист, который Аркадий заполнил 24 декабря того же года. В этой анкете Голиков увеличивает свой возраст на 2 года и пишет, что ему шестнадцать лет. Аркадий все еще боялся, что его по молодости не примут в Красную Армию.

Гольдин вспоминает: «Так он и ходил в уездный комитет партии большевиков в солдатской шинели, в папахе, в грубых кирзовых сапогах. И всегда при нем было оружие: винтовка или револьвер. А часто и то и другое – винтовка на ремне за плечами, а револьвер заткнут за пояс поверх шинели». Мальчишеские мечты об оружии сбылись, но пока Аркадий Голиков играет в капитана Сорви-голова.

Воплощению мечтам Голикова о Красной Армии помогают связи и знакомства матери. В декабре 1918 года в Арзамасе формировался красный отряд, командиром которого был знакомый Натальи Аркадьевны – Ефим Иосифович Ефимов. Мать Аркадия попросила Ефимова, чтобы тот взял Аркадия к себе адъютантом. Тот согласился.

В платежной ведомости за первую половину января 1919 года за порядковым номером 50 стоит имя «Голиков Аркадий Петрович». Он получает зарплату только за пять дней, начиная с 11 января. Эту дату и надо считать началом службы Аркадия Голикова в Красной Армии. В графе «должность» указано: «красноармеец – рядовой». Жалованье ему было положено 250 рублей в месяц. Сбылась его долгожданная мечта.

Через месяц руководство Красной Армии назначило Ефимова командующим войсками по охране железных дорог. С собой в Москву он взял и 15-летнего Голикова и даже поставил его начальником связи штаба охраны железнодорожных путей. Говорят, что Аркадий, несмотря на юный возраст, хорошо справлялся с обязанностями. Частенько Ефимов брал его на совещания с командирами частей железнодорожных войск, где Аркадий благодаря своей отменной памяти, нестеснительности и знаниям, полученным в АРУ, без запинки тараторил цифры и наименования железнодорожных станций, удивляя опытных командиров.

Три месяца пробыл Аркадий на этом месте. Совещания, каждодневные встречи с многоопытным начальником, по-дружески относившимся к юному помощнику, взрослые беседы с ним сыграли огромную роль

в развитии личности Аркадия. Каждому подростку и юноше нужен знающий и уважаемый наставник. Тот, кто его имеет, намного опережает в развитии своих сверстников. Истории известны десятки таких примеров: Аристотель – Александр Македонский, Тургенев – Константин Леонтьев, Урицкий – Бабель, Бахтин – Кожинов. Их много, подобных пар.

Полный юношеского максимализма и мальчишеской отваги Аркадий просит своего наставника, чтобы тот опустил его на фронт. Ефимов, выполняя волю матери, не отпускает юношу, но, в конце концов, они решили так: сначала военные курсы, а там – как жизнь сложится. По протекции Ефимова 15-летнего Голикова зачисляют курсантом на Московские 7-е пехотные курсы. Кстати, моложе 18 лет на них не брали. 20 марта по штабу начальника обороны и охраны всех железных дорог республики в Москве издаётся приказ № 65, в третьем параграфе которого записано, что зачисленного в курсанты вышеупомянутых курсов Голикова освободить от обязанностей командира команды связи и снять с довольствия.

«Мама! Прощай, прощай! Все, что было раньше, – это пустяки, а настоящее в жизни только начинается. Я ушел воевать за светлое царство социализма», – напишет он в письме матери.

В апреле 1919 года курсы, а вместе с ними и Голикова из Москвы переводят в Киев, на 6-е Киевские курсы. 31 августа 1919 года Киев захватили войска Добровольческой армии Деникина. 16 декабря Красная Армия, форсировав замерзающий Днепр, освободила Киев и вновь установила там советскую власть. А комроты Аркадий Петрович Голиков 6 декабря у деревни Улла был ранен шрапнелью в ногу и контужен при падении с лошади во время взрыва снаряда. Лечился в одном из военных госпиталей. После лечения и выписки из госпиталя получил для поправки здоровья краткосрочный отпуск и в январе 1920 года прибыл на побывку в Арзамас.

Из Арзамаса он пишет письмо отцу, комиссару штаба 35-й дивизии, все годы находившейся на фронтах Гражданской войны. Это письмо заслуживает, чтобы его привести почти дословно.

Дорогой папочка! Пишу из Арзамаса, куда прибыл на несколько дней в отпуск, несколько уставший после непрерывной работы и службы.

Я, однако же, возвращусь к ним, как только заживёт моя рана, полученная на фронте три недели тому назад. Рана пустяковая, в левую ногу, кость не тронута, скоро смогу бросить костыли, так что не беспокойся.

Да и какое может быть беспокойство?

Ты сам, проведший несколько лет на фронтах, сам знаешь, что на войне конфетами не кормят... <...>

Ну, ладно. Ты, я думаю, хочешь узнать сначала официальное моё пребывание на службе, начиная с 1 января 1919 года, то есть со времени моего поступления на военную службу?

И далее на разграфлённом листе не без мальчишеского хвастовства указаны места службы 15-летнего солдата. (Форма подачи этих данных несколько изменена.)

С 28 декабря 1918 года – адъютант командующего войск железнодорожной обороны и начальник команды связи его штаба.

С 20 марта 1919 года – курсант 7-х советских пехотных курсов командного состава.

С 7 апреля 1919 года – курсант 6-х киевских им. Подвойского курсов командного состава.

С 20 июня 1919 года – заместитель комиссара и председатель коммунистической ячейки курсов. Вот когда сказалась ценность вступления в РКП(б).

С 23 июля 1919 года – комиссар партизанского отряда курсантов, действовавшего на внутренних фронтах Украины.

Июль 1919 года – курсант тех же курсов.

С 10 августа 1919 года – комиссар отряда курсов, усмирявших кубанских казаков.

С 23 августа 1919 года – красный офицер взвода.

С 25 августа 1919 года – полуротный 6-й роты сводного маневрового полка бригады курсантов.

С 8 сентября 1919 года – ротный командир 6-й роты того же полка.

С 25 сентября 1919 года – по расформировании бригады прикомандирован к Смоленским пехотным курсам в качестве инструктора.

С 1 октября 1919 года – по собственному желанию отправился на Западный фронт в 468-й пехотный полк.

С 1 декабря 1919 года – Главное Военное управление военно-учебных заведений прикомандировало в Высшую офицерскую школу.

И далее Аркадий пишет: «Список довольно большой для годичного пребывания в Красной Армии. Здесь не помечено, что я был на Григорьевском, Ангеловском, Соколовском фронтах, с товарищем Подвойским при взятии Жмеринки, Петлюровском, Деникинском и Польском фронтах. <...> В общем, я собой доволен», – резюмирует юный воин Голиков.

В Арзамасе Аркадий заболевает сыпным тифом. В конце марта 1920 года Голиков прибывает на Кавказский фронт, в 3-ю бригаду 14-й стрелковой дивизии, а 8 апреля того же года назначается командиром взвода 124-го стрелкового полка в Екатеринодар (ныне Краснодар)

После Кубани летом Голикова переводят на Кавказ и назначают командиром роты. Об этом назначении он с гордостью пишет своему другому лучшему другу Саше Плеско: «Командую ротой. Деремся с бандитами вовсю...»

Стиль писем Аркадия отцу после лечения в Арзамасе резко меняется: он стал суше и официальнее, а ведь отец так же, как и он, воюет на фронтах Гражданской войны. Вот какое письмо он пишет отцу 12 августа 1920 года, как только стало известно об отъезде матери из Арзамаса.

Дорогой друг! (Выделено мной. – М. Ч.)

Буду сильно рад, если ты получишь это письмо, которое илю с беловрангелевского фронта.

Крепкой и мощной стала наша армия, и зорко смотрим мы, парализуя попытки «южного орла» снова свить своё гнездо на нашей территории.

Жму твою руку и илю товарищеский привет. Мой адрес: Действующая армия. 34-я стрелковая Кубанская дивизия, 303-й пехотный полк. Командиру 4-ой роты – Голикову.

Полгода тому назад Аркадий обращался к отцу «Дорогой папочка». Называть же родного отца «дорогой друг» по причине одной лишь «взрослости» – это нечто запредельное. Хотя, вероятно, кому как. Обращает на себя внимание «совпадение» – такое обращение к отцу Аркадий

допускает после трёхмесячного излечения в Арзамасе, после продолжительных бесед с матерью. Какую же тайну сообщила мать сыну, после которой тот перестаёт называть Петра Исидоровича не только папой, но и отцом?

Вскоре после того, как сын вылечился и уехал из Арзамаса в армию, Наталья Аркадьевна в 1920 году навсегда покидает Арзамас. Она уезжает в Киргизию, в город Пржевальск, там её второй муж Александр Федорович Субботин занимает видный партийный пост. Здесь она возглавила уездный здравотдел и параллельно с этим работала секретарем уездно-городского ревкома. Дети оставлены на присмотр и прокорм тётки мужа Дарьи Алексеевны. Дочь Натальи Аркадьевны (тоже Наталья) позднее напишет в своём дневнике: «Как ошиблась мама, разрушив семью, сколько ошибок у отца...» Есть общеизвестная истина, что крепость и лад в семье полностью зависят от мудрости жены. В Пржевальске мать Аркадия и её новый муж буквально через год заболевают туберкулёзом. Их переводят в Туапсе, откуда Наталья Аркадьевна напишет бывшему мужу: «...ты очень любил меня, но у нас были тёмные стороны и очень тяжёлые: теперь же этого нет. <...> Ты знаешь, что мы с Шурой оба больны чахоткой...» Болезнь быстро прогрессирует. Их переводят в Алупку (Крым), где мать Аркадия Голикова умирает в 1924 году. Сохранилось фото от этого года, на котором можно видеть Наталью Аркадьевну, её дочерей Катю и Олю, тётку Дарью, с которой дочери приехали в Алупку проститься со смертельно больной матерью, Аркадия Петровича и А.Ф. Субботина. Кстати, в советский период на этой фотографии, которую можно найти в сборниках прозы Гайдара, все, кроме него и матери, заретушированы.

* * *

Аркадий Петрович в 1941 году, будучи уже известным советским детским писателем, о событиях Гражданской войны 1919 и начала 1920 года в автобиографии напишет более кратко:

Был на фронтах: петлюровском (Киев, Коростень, Кременчуг, Фастов, Александрия). Весь 1919 год, до сдачи нами Киева в сентябре, – сначала курсантом, потом командиром 6-й роты 2-го полка отдельной бригады курсантов. Потом был на польском фронте под Борисовом, Лепелем и Полоцком – 16 армия, 52-я дивизия. Полк забыл, потому что у меня было три болезни – цинга, контузия в голову и сыпной тиф, – так что толком я опомнился только в Москве, откуда был направлен на Кавказский фронт (март 1920) и был назначен командиром 4-й роты 303-го (бывшего 298-го) полка 34-й дивизии 9-й армии. После захвата остатков денкинцев (армия генерала Морозова) под Сочи стоял с ротой, охранял границу с белогрузинами (мост через реку Псоу) за Адлером, но вскоре, когда генералы Гейтман и Житиков подняли на Кубани восстание, были мы переброшены в горы, и всё лето до поздней осени гонялись за этими бандами.

Рота Аркадия была невелика: 48 штыков и одна сабля – это значит 48 бойцов и сам командир. Ему полагалась лошадь и сабля. Было на всю роту два пулемета системы «люйс», 32 винтовки, 12 пулеметных дисков по 200 патронов в каждом и 12 тысяч винтовочных патронов. Полк занимался охраной шоссе и железных дорог, телеграфных и телефонных проводов. Непрерывно велась агентурная разведка и наблюдение за морским побережьем.

20 августа 1920 года по штабу бригады был издан приказ о переводе Аркадия Голикова из 303-го полка в 302-й (причина – поругался с комполка) на должность инструктора для поручений при командире 2-го батальона.

В октябре 1920 года за отличные боевые и командирские качества и навыки 16-летний Аркадий Голиков был отправлен в Москву в школу командиров на курсы «Выстрел» на отделение «Тактика». Учебный год на курсах делился на два периода: зимний и летний. В первом преобладала теория, во втором – практика. Военные методики связывались с педагогикой, чтобы поставить правильный взгляд на процесс воспитания и обучения современного бойца в зависимости от его социального происхождения. Во главу угла ставилось политическое воспитание, без которого, считалось, что обучение будет малопродуктивным и ненадежным. Преподавали на курсах бывшие царские офицеры. Политически Аркадий Голиков был подкован отлично и, изучив только теорию ведения военных действий, считался досрочно и успешно окончившим курсы «Выстрел» в феврале 1921 года. Уже в марте 1921-го Голикова назначили командиром 23-го резервного (запасного) полка 2-й стрелковой бригады Орловского военного округа, дислоцировавшегося в Воронежской губернии. Отсюда он отправлял маршевые роты на подавление Кронштадтского мятежа.

В эти дни он пишет очередное письмо отцу, обращаясь к нему так же отстранённо «Дорогой друг». Среди строк можно найти признательные:

Знаешь, я до некоторой степени люблю войну. Она приучает нас любить и ценить свою жизнь, а также не быть слишком требовательным к окружающей обстановке.

Был командиром батальона 10-й дивизии, чуть-чуть не попал в Щигры, в 6-й гарнизон, а сейчас сижу и размышляю над той работой, которая предстоит с завтрашнего дня мне – вступающему в командование 23-м запасным полком, насчитывающим около 4-х тысяч штыков.

Через 40 лет бывший командир взвода (а на момент описываемых событий 30-летний) Оболдуев вспоминал, что в одну из ночей марта в полку был арестован высший комсостав: командир полка и командиры батальонов.

Бывшие царские офицеры готовились передать весь полк бандиту Антонову, поднявшему кулацкое восстание на Тамбовщине. Но им это не удалось. Они были вовремя обезврежены и убраны из полка.

Оболдуев далее вспоминал, что командиры рот и взводов утром ждали нового командира полка. И вот перед ротами в сопровождении комиссара явился новый «командир полка – юноша-подросток с румяными щеками». Назначение такого юного командира наводит на мысль, что в те дни не было более старого, опытного командира, которому можно было бы доверить полк. Это событие совпало по времени с кронштадтским мятежом в марте 1921 года.

В Центральном архиве Советской Армии найдено тринадцать приказов, подписанных лично Аркадием Гайдаром, и названы основные задачи запасного полка. «...В полку готовились маршевые роты. Полк вел караульную службу. Иногда ночью по тревоге направлялись дежурные командиры на подавление антоновских банд, которые в то время скрывались в Воронежской и Тамбовской губерниях».

Следующее письмо отцу:

Я ушел в армию еще совсем мальчиком, когда у меня, кроме порыва, не было ничего твердого и определенного... Сейчас я пока командир 23-го запполка, но вскоре бригада переходит на трехполковой состав, и крайний полк расформируется. Осенью, по всей вероятности, уеду держать экзамен в академию, но только вряд ли выдержу, если не дадут месяцев двух отпуску для подготовки по общеобразовательным предметам, а то ведь что и знал, то позабыл все...

У честолюбивого юноши появляется новая цель: стать красным генералом.

Комполка ЧОН

Полк Голикова действительно расформируют, а его направляют через штаб Орловского военного округа в Тамбовскую губернию, где в это время шёл заключительный этап борьбы с антоновским белогвардейским мятежом. 30 июня 1921 года Аркадия Голикова назначают командиром 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом, и 4 июля он вступил в должность. Где-то здесь, в Моршанске (место дислокации штаба полка), 17-тилетний Голиков почувствовал вкус спиртного. Подавление мятежа проводилось жестокими методами, вплоть до применения химических отравляющих веществ, расстрелов заложников из числа крестьян. М.Н. Тухачевский, командующий армией против «антоновщины», отмечал: «Без расстрелов ничего не получается. Расстрелы в одном селении на другое не действуют, пока в них не будет проведена такая же мера». Для многих людей, и не только русских, есть лишь один способ снятия стресса – спиртное. Как эта жестокость отражалась на неокрепшей психике и в душе юного Голикова, неизвестно, но привычка хвататься за бутылку и принимать революционную вседозволенность за норму прижилась.

К моменту вступления Голикова в должность основные силы повстанцев потерпели поражение. В июле руководством восстания был издан приказ, согласно которому боевым отрядам предлагалось разделиться на группы, скрыться в лесах и перейти к партизанским действиям или разойтись по домам. Восстание распалось на ряд мелких изолированных очагов, которые и пришлось подавлять отдельному полку под руководством юного Аркадия Голикова. В одной из схваток в него бросили самодельную бомбу-«чугунку». Взрывом Голикова контузило, а осколками ранило ноги.

В госпитале, куда он попал, он познакомился с 16-летней медсестрой Марией Николаевной Плаксиной, с ней Голиков официально расписался в загсе. Позднее родился сын Женя, но прожил он всего два года, а брачные узы Голикова и Марии Плаксиной, не выдержав тягот военной службы Аркадия, распались.

За боевые заслуги комполка Голикова направляют на учёбу в Академию Генерального штаба. Никто же не знает, что ему всего лишь 17 лет, так как, уходя в армию, он «состарил» себя на два года. Летом 1921 года он готовится к предстоящим в сентябре вступительным экзаменам. Аркадий и Мария живут в Москве и полны светлых ожиданий и надежд, но горячим мечтам не суждено было сбыться. Видимо,

у высшего командования были кое-какие сомнения, и Голикова решили проверить ещё раз. 20 августа 1921 года Голиков отозван по запросу В.А. Кангелари – начальника штаба ЧОН (Части особого назначения). Ему вручают предписание в Приуральский военный округ, гласящее: «При сем следует в Ваше распоряжение для назначения на соответствующую командную должность тов. Голиков, бывший командующий войсками 5-го боеучастка армии по подавлению восстаний в Тамбовской губернии. О времени прибытия указанного товарища и назначении его в должность – донесите».

И вот 1 сентября 1921 года Аркадий Голиков вместе с женой Марией выехали в Екатеринбург (ныне Свердловск). По приезде останавливаются они в гостинице «Пале-Рояль». Здесь будущий писатель заполнил красными чернилами все документы, необходимые для назначения на новую должность, и написал автобиографию:

Родился в Льгове, Курской губернии. Сын сельского учителя. После 1905 года переменял место жительства в Сормово Нижегородской губернии. С 10 лет с начала мировой войны остался учиться один в реальном училище в г. Арзамасе. Революционное движение захватило на школьной скамье. 14-ти лет уже состоял членом РКП. Добровольно ушел в армию в наиболее трудный для республики момент, в октябре 1918 года (Колчак), где и нахожусь до сего времени. *Был два раза ранен в ноги и контужен в правое ухо, которое разорвало* (выделено мной. – М. Ч.). Все время вел борьбу и чисто боевую оперативную работу. Был на Петлюровском, Польском и Кавказском фронтах, а после ликвидации таковых – по борьбе с повстанческим движением (бандитизмом) Тамбовской губернии. Занимал командные должности последовательно от комроты до начдива включительно.

5 сентября 1921 г. Екатеринбург. Голиков

Не будем останавливаться на неточностях в этом документе, отметим лишь один аспект. То ли ухо аккуратно зашили, то ли дырка была незначительной, но на фотографиях 30-х годов правое ухо на месте и отверстий в нём не видно. Ошибки допущены и в алфавитной карточке для военных, где Голиков прибавил себе три года. В графе «год рождения» стоит выведенная красными чернилами цифра «1901».

Интересно о себе написал Гайдар в личной регистрационной карточке. В графе «состояние здоровья» он отвечает: «Вполне здоров». В графе национальность он пишет, что «русский», а когда следом ставится вопрос о родном языке, оригинально отвечает: «Тот же». Здесь же он указал, что хотел бы жить в Башкирской республике, а на вопрос «имеются ли родственники за границей» вдруг ответил: «Есть, в Париже, но адреса не знаю. Фамилия Гутьер». Этот парадокс уже разобран выше.

Все документы Голиков отнёс в штаб Приуральского военного округа, где получил назначение на новую должность командира 3-го оперативного батальона ЧОН. 10 сентября 1921 года Голиков с беременной женой отбыл в Тамьян-Катайский кантон, так в Башкирии в те годы назывались уезды. Но там в основном бандитов уже выбили, и Голиков заскучал. Его тянуло в горячие бои, в схватки с врагами революции. Здесь, в Башкирии, стало уж слишком спокойно. В октябре 1921 года он один (к этому времени он и жена уже расстались) едет в Москву и снова получает боевое назначение, в Сибирь. Там еще не было покончено с бандитами, а у Голикова был большой опыт по ликвидации бандитизма на Тамбовщине и в Башкирии.

Приказом по 6-му отряду ЧОН Сибири от 24 марта 1922 года за № 83 Голиков назначен комбатом и командующим 2-м боевым районом в Хакасии между Кузбассом и нижним течением Енисея. В штаб батальона, расположенный в селе Божье-Озерное, Аркадий прибыл 27 марта 1922 года и тут же с юношеской горячностью чоновца принялся за дело.

Лидером антисоветского повстанческого движения в Хакасии считался бывший урядник красноярского казачества И.Н. Соловьев. Сам он родом был из местных казаков, и потому хакасы и русские поддерживали Соловьева. Тот находил общий язык с любым хакасским мальчишкой, знал от них о каждом шаге комбата Голикова. Комбат же о Соловьеве не знал ничего: осведомителей у него не было. Малый жизненный опыт и мальчишеский максимализм не позволяли вступить в контакт с крестьянами, к которым Голиков относился свысока согласно установкам партии. Если комбат ЧОНа и шел в тайге по его следам, то видел лишь лошадиный помет, коробки из-под патронов, лыжню и всякую мелочь, что можно прочесть из его донесений, но вступить с Соловьевым в прямое столкновение не сумел. Юный Голиков оказался во враждебной среде. И это его в конце концов взбесило.

Что Голиков конкретно натворил, мы не узнаем, но, судя по методам, используемым ЧОНОм, нечто выходящее за рамки. Для характеристики чоновских методов «борьбы» с бандитизмом приведём выписку из приказа, подготовленного в Красноярском ЧОНе уже после отставки комбата Голикова.

Выписка из приказа №-014/к от 21 августа 1922 года:

§1.

Напоминание об обязательном объявлении населению района о расстреле заложников.

За нападение на гарнизон Туима банды Соловьева и убийство ими красноармейца, на руднике Юлия расстрелять заложников:

1. Аешину Александру (26 лет); 2. Тоброву Евдокию (24 года); 3. Тоброву Марию (17 лет);

За убийство в с. Ужур зампродкомиссара т. Эхиль расстрелять заложников: 1. Рыжикова А. (10 лет); 2. Рыжикову П. (13 лет); 3. Фугель Феклу (15 лет); 4. Монакова В. (20 лет); 5. Байдурова Матвея (9 лет);

§2.

Для широкого распространения в объявлении населению сообщить только фамилии заложников.

Подписано: ком. вооруженными силами Ачминбойрайона и замкомчонгуб Какоулин.

Жалобы на деятельность Голикова поступали от Спириных в Ужур, Ачинск и Красноярск. Телеграмму с просьбой принять меры по спасению людей прислал заместитель председателя Усть-Фыркальского волостного исполкома Коков. 3 июня 1922 года особый отдел губернского ГПУ начал дело № 274 по обвинению Голикова в злоупотреблении служебным положением. На место выезжала специальная комиссия во главе с комбатом Я.А. Виттенбергом, которая, собрав жалобы населения, заключила свой отчет требованием расстрела бывшего начальника боеучастка. Аркадия Голикова 14 и 18 июня допросили в ГПУ. Показав, что все расстрелянные являлись «бандитами» или их пособниками, он

признал себя виновным лишь в несоблюдении при осуществлении данных акций «законных формальностей».

Упомянутый выше начальник Красноярского ЧОНа Какоулин, сам отличающийся жестокостью, наложил на деле № 274 суровую резолюцию. «Мое впечатление: Голиков по идеологии – неуравновешенный мальчишка, совершивший, пользуясь своим служебным положением, целый ряд преступлений». Но Какоулин же и спас Голикова, казалось от неминуемой гибели, видимо, по устному распоряжению Тухачевского, предложив спустить дело на тормозах и передать его в партийные органы.

Совместное заседание президиума Красноярского губернского комитета и Контрольной комиссии РКП(б) 1 сентября 1922 года постановило исключить Голикова из партии с лишением возможности занимать ответственные посты. И все 19 будущих лет, отпущенных Аркадию Гайдари судьбой, он даже и не пытался восстановиться в партии большевиков, понимая, что при рассмотрении его дела в Контрольной комиссии могут всплыть весьма негативные для него подробности.

После разбирательств в Красноярске Голикову сразу же назначили психиатрическое освидетельствование. В истории болезни с его слов записано о начале недомогания весной 1922 года. «Тут я начал заболеть (не сразу, а рывками, периодами). Всё что-то шумело в висках, гудело и губы неприятно дёргались. Появилась раздражительность, злобность. Появилось ухарство, наплевательское отношение ко всему, развинченность... Стали появляться приступы тоскливой злобности, спазмы в горле, сонливость, плакал».

В красноярской лечебнице Аркадию ставят диагноз «травматический невроз», подлечивают, и он уезжает в Москву, не желая комиссоваться. Ещё раз пытается поступить в Академию, но, разумеется, не проходит медкомиссию. «Я любил Красную Армию и думал остаться в ней на всю жизнь». Для Голикова уход из РККА – это крушение всех честолюбивых надежд. В Москве он обивает пороги РВСР и добивается своего. Его официально отправляют в отпуск и выдают удостоверение. Вот оно:

18 ноября 1922 г. № 407178 г. Москва

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие бывшему командиру 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом товарищу Голикову Аркадию Петровичу в том, что заместителем председателя Революционного Военного Совета республики разрешен ему шестимесячный отпуск с сохранением содержания по последней занимаемой должности, что подписями и приложением печати удостоверен.

Заместителем РВСР в ту пору был Склянский Эфраим Маркович.

В мае 1923 года шестимесячный отпуск закончился, а Голиков все еще не восстановил свое здоровье, хотя настойчиво лечился в Первом красноармейском коммунистическом госпитале в Москве. Голикову уточнили диагноз: «Истощение нервной системы в тяжелой форме на почве переутомления и бывшей контузии, с функциональным расстройством и аритмией сердечной деятельности». Ездил на бальнеологический курорт в Красноярскую губернию, но...

Тяжелейшие думы не отступают (времени на них с избытком). Военная косточка явно унаследована Аркадием от деда, дворянского

капитана Аркадия Геннадьевича Салькова, и вот она сломалась, эта ко-сточка. Что же делать дальше? Путь в Академию при Генштабе закрыт навсегда. Как освоиться в мирной жизни? Быть простым инженером не позволяло тщеславие, перенятое от деда и матери. «Самое главное, что я запомнил, это то, с каким бешеным упорством, с какой ненавистью к врагам, безграничной и беспредельной, сражалась Красная Армия одна против всего белогвардейского мира». Эта ненависть стучала в сердце Аркадия пеплом Клааса до конца дней.

Пойти по стопам отца? Петр Исидорович к этому времени вернулся после демобилизации в Арзамас. Здесь он назначается председателем правления Единого потребительского общества (ЕПО) и руководит торговой деятельностью всего района. Нет! Это слишком мелко для него. На этот его вывод наталкивают слова Аркадия из письма отцу: «А все-таки чудно, право, чем черт не шутит. Был ты и учителем, и чиновником, и солдатом, и офицером, и командиром, и комиссаром, а теперь, на тебе, – новый номер, – краскуп». Краскуп – красный купец. Так военные презрительно прозвали гражданских, занимающихся торговлей.

А как же прославиться, если не удалось этого сделать в военной форме? И Аркадий вспоминает о писателях, о своих стихах, о Луи Буссенаре, чью повесть «Капитан Сорви-голова» ему читала в подлиннике мать. О заметках, которые иногда вел между фронтами. Да, хватило у него сил и ума найти свою нишу. В этот год Голиков начинает писать повесть-воспоминание «В дни поражений и побед». И работает над ней напряженно, истово, как большинство психически неуравновешенных людей.

19 апреля 1924 года по личному составу армии появляется приказ № 102 Революционного Военного Совета СССР за подписью М. В. Фрунзе: «Зачисляется в резерв при Управлении РККА б. командир 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом Голиков Аркадий Петрович с первого апреля сего года». Это еще не демобилизация, не увольнение из рядов Красной Армии. Аркадий продолжает получать военную зарплату, ходить в форме комсостава. Он зачислен в резерв при Управлении.

Летом 1924 года Голиков узнаёт о смертельной болезни матери, о том, что она находится на лечении в Алушке близ Ялты, и хочет быть ближе к ней, обосноваться в Крыму. Одновременно понимая, что долго держать его в резерве руководство РККА не захочет (он – выжатый лимон), обращается в РВС СССР, чтобы прикрепili его по воинскому учёту к Крыму. Ему пошли навстречу. 14 августа 1924 года по Реввоенсовету СССР издается приказ № 247: «б. командир 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом Голиков Аркадий Петрович увольняется в бессрочный отпуск с зачислением на учет по Симферопольскому уезду». Вскоре Наталья Аркадьевна умирает, и с Крымом его более ничего не связывает.

Журналист Гайдар

Аркадий Петрович Гайдар – по жизни редкий счастливчик. Но даже ему, не только родившемуся в сорочке, но и умному, далекому от ложной скромности человеку, нужны помощники, способные подсказать, свести с другими нужными людьми. Небольшой уездный город Арзамас, как ни удивительно, оказался богат на таких нужных людей.

И первый из них Е.И. Ефимов, у которого юный Адик был адъютантом. Одно дело пойти на фронт в окопы, а другое – в мягкий штаб-вагон командующего.

Задумал Аркадий стать писателем – вот тебе старый наставник и советчик из Арзамаса. Им оказался любимый им учитель русского языка и литературы в Арзамасском реальном училище большевик Николай Николаевич Соколов. Он тот, кого два Адика (Голиков и Гольдин) прозвали Галчонком за прыгающую походку, чёрные волосы и чёрные уголья глаз. Он частенько захаживал в дом Голиковых по вечерам, баловался с хозяевами крепким чайком, вел политические беседы, ибо своей семьи у него не было. Соколов привил Аркадию любовь к литературе, всячески поощрял и развивал его способности.

Теперь он профессор в одном из военно-политических вузов Ленинграда. Как не идти к счастью, если оно само идёт к тебе? Голиков принимает решение поселиться в Ленинграде и вновь обращается в Реввоенсовет с просьбой перевести его из Крыма на военный учет в Ленинград. 1 ноября 1924 года за № 368 последовал еще один, уже последний приказ Реввоенсовета СССР, касающийся военнотружущего Голикова: «Во изменение приказа РВС СССР по личному составу армии от 14/VIII сего года № 247 состоящий в резерве при Управлении РККА бывший командир 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом Голиков Аркадий Петрович увольняется в запас с 1 ноября сего года, с зачислением на учет по гор. Ленинграду». Не лишённый пижонства, он тратит весь аванс на одежду – командирские хромовые сапоги, буденовку и длинную кавалерийскую шинель. Тому, кто смотрел кинофильм «Бег» и видел генерала Хлудова в такой шинели, легко представить Голикова, переезжающего в Ленинград.

Николай Николаевич Соколов поселяет Голикова у себя. Тот читает учителю законченную повесть «В дни поражений и побед». Любимый учитель тепло отзывается о труде ученика и знакомит его с известными на ту пору советскими писателями: Константином Фединым, Михаилом Слонимским, Ильей Садофьевым и Сергеем Семеновым. Константин Федин, как следует из автобиографии 1934 года, интеллигентно сказал ему: «Писать вы не умеете, но писать вы можете и писать будете». Что ж, хорошее напутствие на литературную деятельность.

В конце октября 1924 года он шлет письмо сестрам Ольге и Екатерине, в котором сообщает: «Дела мои идут замечательно хорошо. Прием переработанная книга встретила исключительно хороший. Такого я даже не ожидал. Но по техническим причинам выйти в свет она может только к 25 декабря». В просторном радостном письме Аркадий пишет, что познакомился с писателями. И только в самом конце одной строкой, да и то в качестве постскриптума, вставляет: «Только одно тяжело страшно... терять маму теперь». Страшно *теперь*, когда она могла бы порадоваться успехам сына в литературе.

Опытные коллеги по писательскому цеху посоветовали, что знание военной среды – это ещё не знание всей полноты жизни. Её надо знать досконально и посоветовали «побродить» по Руси. В марте 1925 года, судя по датировке нового письма сестре Наталье Петровне, он еще в Ленинграде. Ему город нравится природой, погодой, двухкомнатной квартирой, снимаемой за «6 червонцев в месяц», и дружеским отношением известных писателей. В апреле он уже во Владикавказе... и далее везде.

В июле 1925-го, побывав на отдыхе в Абхазии и Гаграх, отметившись в Щиграх и Харькове, Аркадий Петрович пешочком, как Максим Горький,

двигается к Донбассу в поисках познания людей и жизни, надеясь получить там «спокойное место». В письме Семёнову, члену редколлегии альманаха «Ковш», где впервые вышла его повесть «В дни поражений и побед», сообщает, что побывал в Щиграх у родственников отца. О данном факте мало кто знает.

Я прожил немного в уездном городишке Щигры у своей тетки, которую увидел в первый раз за всю жизнь. И когда взбаламутил всю ее семью, закрутив помимо своей воле голову своей двоюродной сестрице, когда помог разгрузить уголок одной из комнат от ветхозаветной позолоты, смазанной лампадным маслом, то мне дано было почувствовать, что ни родство, ни мое эффектное, но мало понятное звание литератора не служат достаточным основанием к дальнейшему пребыванию в сием богоспасаемом доме. И я ушел, посвистывая, потому что у меня был еще червонец в кармане, табак в кисете и неизменная трубка во рту.

Аркаша Голиков родился на юге России в Курской губернии. Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, «гайдать» с пометкой *юж. кур.* (то есть южное, курское) означает «бегать, шататься, лытаться». Первые четыре с половиной года он прожил на Курской земле и неоднократно слышал это слово. И вот, приехав на родину уже взрослым, 21-летним человеком, он опять услышал слова «гайдать», «гайдаи», «гайдар». Они ему понравились. Услышал поговорку «Гайдай – те саме, що гайдар» и решил взять его в псевдонимы, так как понял, что такое прозвище получает быстрый, проворный, резвый, расторопный человек, каковым он себя считал. И уже 7 ноября 1925 года при публикации в пермской газете «Звезда» новеллы «Угловый дом» подписывает её «Гайдар».

Косвенным подтверждением служат и призывы, коими он часто заканчивал письма свои друзьям: «Гей! Гей! Не робей! Твёрже стой и крепче бей!» (А где «гей!», то ищи рядом и «гай!» – идём.)

С конца XX века с этой версией легко согласиться, так как широко известен и популярен другой человек с подобной по смыслу фамилией Леонид Гайдай, комедийный режиссёр. Отец Леонида Гайдая родом с Полтавщины, то есть тоже с юга России.

Взять же за основу псевдонима вопросительное хакасское слово «хайдар» (куда?) не решился бы даже мазохист, так как оно ежедневно напоминало бы ему о тяжелейшем периоде в жизни. Сам Гайдар на вопросы об истоках псевдонима отмалчивался, тем самым давая повод разным толкам и мифам. Один из которых гласит, что в переводе с монгольского это якобы «всадник, скачущий впереди», но сами монголы опровергли эту точку зрения. На мой взгляд, притянута за уши версия аббревиатуры, предложенная сыном Тимуром уже после Великой Отечественной войны. Суть её такова, что в слове «гайдар» зашифрованы начальные буквы Голиков Аркадий, а Д заимствовано из французского, как «из» АРзамаса. И кто ответит внятно на вопрос: почему именно в ноябре 1925 года Голиков вспомнил об аббревиатуре, тогда как первая повесть «В дни поражений и побед», вышедшая в этом же 1925 году, подписана истинным именем?

Как Голиков оказался в Перми? И тут вступает в роль третий арзамасский помощник – Александр Плеско. Близкий друг по АРУ был в своё время редактором арзамасской газеты «Авангард», а 1925 году

стал заместителем редактора пермской газеты «Звезда». О нём Аркадий вспомнил, бродя по Украине и Донбассу в поисках правды жизни. Он пришёл к правильному выводу, что ничто так не сближает с жизнью, как журналистика. Вернувшись из похода, Гайдар организует с ним встречу в Москве, и Плеско предлагает ему место штатного корреспондента в своей газете. Гайдар плодовит и энергичен, кроме фельетонов и рассказов публикует с 10 января по 3 марта 1926 года повесть «Жизнь ни во что», а потом ставший широко известным рассказ «Р.В.С.».

В конце 1925 года при сборе архивных данных о революционных событиях в Перми знакомится и женится на 18-летней комсомолке Рахили (Ли) Соломянской, отец которой был членом Пермского губернского комитета РКП(б), а с 1925-го – председателем биржевого комитета. Немалый чин в пермской партийно-хозяйственной иерархии, а Аркадий Гайдар уже на своём опыте ощутил всю ценность важных связей.

Весной, оставив беременную юную жену в Перми, с новым другом Кондратьевым отправился путешествовать в Среднюю Азию. Оттуда шлёт путевые заметки в «Звезду», а также печатается в местной прессе: «Правда Востока», «Туркменская искра». В Средней Азии Гайдар увлёкся изучением истории, и его привлёк образ жестокого полководца Тимура – Тамерлана. Жестокость (может быть, помягче – жесткость) он считал основной чертой характера военного человека. Гайдар так очаровался Тамерланом, что написал в письме жене, переехавшей из Перми к маме в Архангельск, что если родится сын, то назвать его Тимуром. Жена выполнила просьбу Аркадия, но дала сыну Тимур свою фамилию в свидетельстве о рождении. Благодаря Гайдару нерусское имя Тимур широко распространилось по просторам СССР и РФ. Оно особенно стало популярным (модным) после выхода в свет в 1940 году повести «Тимур и его команда».

Вся жизнь Аркадия Гайдара, как журналиста, так и писателя – в бесконечных поездках по огромной, великой стране, то по журналистским делам, то на отдых, то на лечение, то к друзьям, то в поисках тихого, спокойного места, где хорошо пишется. Недаром Гайдар в одном из многочисленных писем признался, что вагонная полка – это лучшая его квартира. Поэтому описывать все его перемещения по стране с указанием места, где написано то или иное произведение, значит полностью запутать читателя. Да мало что это даст в познании личности Гайдара, его творческого метода.

Литературный путь Аркадия Гайдара был прям, как полёт пули, – героизация Гражданской войны и успехов Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), романтизация посильной помощи армии от детей. Самые известные его произведения: повесть «В дни поражений и побед», рассказы «Р.В.С.», «Угловой дом», «На графских развалинах», повесть «Школа», рассказ «Четвёртый блиндаж», повесть «Дальние страны», повесть «Военная тайна», рассказ «Голубая чашка», повести «Судьба барабанщика», «Дым в лесу», «Чук и Гек», «Тимур и его команда», рассказ «Горячий камень». В каждом рассказе, повести или киносценарии (Гайдар писал и их) непременно упоминаются солдаты, командиры (слово «офицер» применимо только к белым) РККА. Их образы, даже самые незначительные и проходные, выпестованы с такой горячей любовью, что напоминают греческих героев, атлантов, титанов, богатырей типа Ильи Муромца. А какой мальчишка не хочет стать героем?

Судьба

В одном из своих писем другу и писателю Рувиму Фраерману он признаётся в 1938 г.: «Милый Рувим, я ведь на самом деле сирота, и друзей у меня очень мало...» Твёрдого семейного счастья Гайдар так и не обрёл. С сыном Тимуром (антисоветские злопыхатели после 1991 года будут утверждать, что Тимур – не его сын) он впервые встретился, когда тому было уже два года. В 1931 году, когда он с Тимуром отдыхал в Артеке, от него ушла жена Лия Соломянская к заместителю редактора журнала «Октябрь» Израилю Разину. Биографы Соломянской пишут, что она не выдержала пьянок и дебошей со стороны писателя-алкоголика Гайдара.

В январе (будет там по сентябрь 1932 года) Гайдар уезжает на Дальний Восток. В Хабаровске работает собственным корреспондентом (разъездным) дальневосточной газеты «Тихоокеанская звезда». Живет в общежитии при редакции вместе с журналистом Борисом Германовичем Заком, работавшим впоследствии многие годы в журнале «Новый мир». Б.Г. Заксу пришлось отводить Гайдара в психиатрическую лечебницу. Он позже рассказывал, что Гайдар не был запойным или хроническим алкоголиком. Гайдар был иным, он зачастую бывал «готов» еще до первой рюмки. Детально обследовавшие его врачи вывели такое заключение: алкоголь – только ключ, открывающий дверь уже разбушевавшимся внутри силам.

Осенью, по возвращении в Москву, у него завязываются дружеские отношения с детской писательницей Анной Яковлевной Трофимовой (1898–1980), у которой две дочери – Эра (Ира) и Света. Трофимова становится гражданской женой писателя. Их незарегистрированный брак длится несколько лет. Гайдар полюбил девочек, играл с ними, придумывал им разные смешные и ласковые прозвища, в качестве героинь вывел в своих произведениях.

В период с 1932 по 1934 год в московских и ленинградских издательствах «Молодая гвардия» и Детгиз опубликованы многие книги Гайдара. В 1934 году в стране создан Союз писателей СССР, и Аркадий Петрович Гайдар становится одним из первых его членов. Он уже любимый писатель советской пионерии.

Зиму 1934–1935 годов живёт в Арзамасе и в деревне рядом с городом вместе Анной Трофимовой и её детьми. Задумывает и пишет «Голубую чашку». В 1935 году А.П. Гайдар, согласно исследованиям его биографов, в официальном порядке расторгает брак с Лией Соломянской, возможно, для того, чтобы узаконить отношения с Анной Трофимовой. Но... не судьба. Судя по переписке с А.Я. Трофимовой и ее дочерьми, А.П. Гайдар в период с 1935 по 1937 год часто болеет, лечится, а в перерывах между болезнями и лечениями ходит в походы. Переписка и отношения Гайдара и Трофимовой заканчиваются в конце 1937 года.

После Арзамаса возвращается в Москву, где в Союзе писателей проходит обсуждение его повести «Военная тайна». Тяжело переживает критику этого произведения. Очередное нервное потрясение. Оставляет Москву и едет лечиться в санатории Крыма. Подлечившись, осенью возвращается на короткое время в Москву, а затем направляется в подмосковный дом отдыха писателей в Малеевке. С 1936 года начинает работать в кино.

В 1937 году знакомится с писателями Константином Паустовским и Рувимом Фраерманом и проводит с ними лето и осень в селе Солотча Рязанской области. Пишет здесь «Судьбу барабанщика».

Один эпизод из совместных путешествий трёх друзей уже освещён выше. А вот как отзываясь о творчестве и личности Гайдара Константин Паустовский в очерке к 50-летию со дня рождения Гайдара.

В своих воспоминаниях я приведу несколько таких кажущихся мелочей, тех «малых капель вод», в которых все же отражается солнце.

Это очень трудно – воссоздать образ ушедшего от нас человека без всяких прикрас, без того, чтобы не изображать его сусальным и шаблонным героем.

Иные воспоминания о Гайдаре как раз грешат этим. За мишурой, за слащавым умилением исчезает подлинный Гайдар – человек сложный, временами трудный, во многом противоречивый, как большинство талантливых людей, но обаятельный, простой и значительный в любом своем поступке и слове.

Есть очень верное выражение: «В настоящей литературе нет мелочей». Каждое, даже на первый взгляд ничтожное слово, каждая запятая и точка нужны, характерны, определяют целое и помогают наиболее резко выразению идеи. Хорошо известно, какое потрясающее впечатление производит точка, поставленная вовремя.

Он всегда был полон веселья, Гайдар. Искорки смеха роились в его серых глазах и исчезали редко – или во время работы, или в тех случаях, когда Гайдар сталкивался с карьеристами и халтурщиками. Тогда он становился жесток, беспощаден, бледнел от гнева.

Спуску он никогда не давал. Он приходил в ярость от мышиной возни маленьких и злых от неудовлетворенного тщеславия людей. Он преследовал их едкими стихами и беспощадными эпиграммами. Его боялись.

Гайдар был настоящим и большим человеком. Поэтому каждая даже «как будто бы мелочь», связанная с ним, определяет новую черту его глубокой натуры. ...Главным и самым удивительным свойством Гайдара было, по-моему, то, что его жизнь никак нельзя было отделить от его книг. Жизнь Гайдара была как бы продолжением его книг, а может быть, иногда их началом. Почти каждый день Гайдар был наполнен необыкновенными происшествиями, выдумками, шумными и интересными спорами, трудной работой и остроумными шутками.

Все, что бы ни делал или говорил Гайдар, тотчас теряло свои будничные, наскучившие черты и становилось необыкновенным. Это свойство Гайдара было совершенно органическим, непосредственным – такова была натура этого человека.

Он прошел по жизни, как удивительный рассказчик, трогавший до слез детские сердца, и вместе с тем как пронизательный и суровый товарищ и воспитатель.

Детей, особенно мальчишек, он знал насквозь, с одного взгляда и умел говорить с ними так, что через две-три минуты каждый мальчишка готов был по первому слову Гайдара совершить любой героический поступок.

И от себя добавим: и совершали!

В 1938 году А.П. Гайдар заканчивает повесть «Судьба барабанщика» и сразу же принимается за рассказ «Телеграмма» (первый вариант рассказа «Чук и Гек»). На даче в подмосковном Клину знакомится с дочерью хозяина Дорой (Дарьей) Матвеевной Чернышевой (урожденной Прохоровой). 17 июля официально регистрирует с ней брак

и удочеряет ее дочь Евгению. Затем остаток лета и почти всю осень живёт и работает в Солотче. Союз писателей СССР, наконец, выделил ему комнату в коммунальной квартире в доме № 8 по Большому Казенному переулку. Отсюда Гайдар уйдёт на фронт Великой Отечественной войны в качестве военного корреспондента.

1 февраля 1939 года, в преддверье большой войны, вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении советских писателей. 172 литератора были награждены орденами СССР. По неведомым критериям одна часть писателей (21 человек) получила высшую награду страны – орден Ленина, другим вручили орден Трудового Красного Знамени, а третьей группе – младший орден «Знак Почета». В этой третьей группе – Аркадий Гайдар и нижегородец Николай Кочин. Нет нигде упоминаний, что они лично были знакомы.

«И всё бы хорошо, да что-то нехорошо» – есть такие слова в повести «Военная тайна». Так и с Гайдаром. В дневнике от ноября 1940 года он запишет: «Вчера, 28-го, написал письмо Рувиму. Мучает меня совесть, а о чём – точно не знаю». Вот это письмо.

Здравствуй, Рува!

Я живу в лечебнице Сокольники. Здоровье мое хорошее... Одна беда – тревожит меня мысль – зачем я так изоврался... Казалось нет никаких причин, оправдывающих это постоянное и мучительное вранье, с которым я разговариваю с людьми... образовалась привычка врать от начала до конца, и борьба с этой привычкой у меня идет упорная и тяжелая, но победить ее я не могу... Иногда я хожу совсем близко от правды, иногда – вот-вот – и веселая, простая, она готова сорваться с языка, но как будто какой-то голос резко предостерегает меня – берегись! Не говори! А то пропадешь! И сразу незаметно свернешь, закружишь, рассыплешься и долго потом рябит у самого в глазах – эх, мол, куда ты, подлец, заехал! Химик!

Сын Тимур вспоминал, что отец в припадках истерии и головных болей резал себя бритвами, чтобы «перенести» боль из головы на тело.

Некоторые люди с психическими отклонениями, тем более после травм головы (под Голиковым два раза убивали лошадь, и он падал на полном скаку) открывают в себе исключительные способности. В медицине такие случаи зафиксированы. То они начинают говорить на древнегреческом языке, то «вспоминают» истории тысячелетней давности, будто непосредственные участники, то умножают трёхзначные цифры на четырёхзначные в течение пары секунд. Писатель Аркадий Гайдар отличался феноменальной памятью.

Прочитируем ещё несколько эпизодов из воспоминаний Паустовского:

Дольше всего мне пришлось прожить вместе с Гайдаром в селе Солотче, под Рязанью, в Мещерских лесах. Там он задумывал и писал некоторые свои повести и рассказы.

Писал Гайдар совсем не так, как мы привыкли об этом думать. Он ходил по саду и бормотал, рассказывал вслух самому себе новую главу из начатой книги, тут же на ходу исправлял ее, менял слова, фразы, смеялся или хмурился, потом уходил в свою комнату и там записывал все, что уже прочно сложилось у него в сознании, в памяти. И затем уже редко менял написанное.

<...>

Иногда Гайдар приходил и без всяких обиняков спрашивал:

– Хочешь, я прочту тебе новую повесть? Вчера окончил.

– Конечно, читай.

И тут происходило непонятное. Обычно в таких случаях писатель вытаскивает рукопись, кладет ее на стол, разглаживает ладонью, торопливо закуривает, причем папироса у него тут же тухнет, говорит несколько невнятных и жалких слов о том, что он совсем не умеет читать и рукопись к тому же еще совершенно сырая, и только после этого хриплым и прерывающимся голосом начинает читать.

Гайдар никакой рукописи из кармана не вынимал. Он останавливался посреди комнаты, закладывая руки за спину и, покачиваясь, начинал спокойно и *уверенно читать всю повесть наизусть страницу за страницей* (выделено мной. – М. Ч.).

Он очень редко сбивался. Каждый раз при этом краснел от гнева на себя и щелкал пальцами. В особенно удачных местах глаза его шурились и лукаво смеялись.

Раза два мы, его друзья, на пари следили за его чтением по напечатанной книге, но он ни разу не спутался и не замялся и за это потребовал от нас такое неслыханное выполнение пари – что-то вроде покупки для него подвесного лодочного мотора, – что мы бросили это дело и никогда больше Гайдара не проверяли...

Наступил роковой 1941 год. От 14 января в дневнике запись: «На несколько дней опять уехал в Сокольники». Санаторий в Сокольниках – это заведение психоневрологического направления. 29 января опять поехал в санаторий «Сокольники». Здесь он познакомился с проходившей реабилитацию после менингита Зоей Космодемьянской. Много времени провёл с ней в беседах Аркадий Гайдар.

А вот запись в Клину от 4 марта:

...Раньше я был уверен, что всё пустяки. Но, очевидно, я на самом деле болен. Иначе откуда эта легкая ранимость и часто безотчётная тревога? И это, очевидно, болезнь характера. Никак не могу понять и определить, в чём дело? И откуда у меня ощущение *большой* (выделено мной. – М. Ч.) вины. Иногда оно уходит, становится спокойно, радостно, иногда незаметно подползает, и тогда горит у меня сердце и не смотрят людям в лицо глаза прямо.

Мучительная плата за подростковые желания иметь револьвер, за юношеские желания стрелять во врагов революции, за взрослые мечты – стать знаменитым писателем. В жизни за всё приходится платить: здоровьем ли, покоем ли, душевным миром.

Когда началась Великая Отечественная война, Аркадий Петрович сразу попросился на фронт. Однако по состоянию здоровья его не взяли, и тогда он поехал на войну корреспондентом от «Комсомольской правды» (18 июля). Перед отправкой на Юго-Западный фронт произвел соответствующие распоряжения по наследованию его авторских прав.

На фронте принимал участие в боевых операциях, написал военные очерки «У переправы», «Мост», «Война и дети», «В добрый путь», «У переднего края», «Ракеты и гранаты». В августе на несколько дней приезжал в Москву. Встречался с родными, передал в редакцию «Комсомольской правды» рукописи очерков – для последующей публикации. Выступает по радио.

30 августа Гайдар снова возвратился на фронт. Под Киевом попал в окружение. Известному писателю предложили место в самолете

до Москвы, но он отказался. Гайдар мечтал собрать из бойцов, не успевших выйти из окружения, партизанский отряд и продолжить борьбу. Отряд был собран, командовал им Горелов, а Гайдар стал пулеметчиком. Однако повоевать красному бойцу и писателю с фашистами, как планировалось, не удалось... Утром 26 октября 1941 года Аркадия Гайдара сразила немецкая пуля в краткой схватке на железнодорожных путях у будки обходчика возле села Лепляво Каневского района Черкасской области.

В 1947 году председатель Союза советских писателей Александр Фадеев на приёме у Сталина попросил провести перезахоронение с отданием военных почестей праха Аркадия Гайдара из безымянной могилы возле железнодорожной ветки в Каневском районе на Новодевичье кладбище в Москве. Были отданы соответствующие указания. Однако Никита Хрущёв, правивший тогда на Украине, посмел перехватить инициативу. Прах Гайдара захоронили на высоком берегу Днепра в парке возле могилы Тараса Шевченко.

У некоторых исследователей до сих пор нет уверенности, что в Каневе похоронен именно Гайдар. Мистическим подтверждением может служить такой факт. Через два года после захоронения могильная плита с надписью «Аркадий Гайдар» дала трещину. Ее заменили на новую. Но и та треснула через некоторое время.

Гайдар любил тайны, они и сопровождали его всю жизнь: тайна рождения, тайна работы в Сибири, тайна смерти.

Вместо P.S.

В декабре 2023 года на радио «Вести-ФМ» радиожурналист сообщил, что в Смоленске подростки забросали снежками пламя Вечно-го огня. И задался извечным риторическим вопросом: «Что делать?» Ответ есть: **надо включить в школьную программу по литературе произведения Аркадия Гайдара.** Они учат подростков любви к Родине, они помогут избавить молодых от лжи, трусости, злобы, эгоистического своеволия и пренебрежения к интересам других людей.